

Г л а в а I X.

Краткое замѣчаніе о начальныx дѣйствіяхъ литургіи вѣрныхъ вообще и умовеніи архіереемъ рукъ въ частности. Чѣмъ вызывается и вызывалось оно? Древне-христіанскій обычай *приношеній*; соображенія и извѣстія о мѣстѣ собранія и разсмотрѣнія послѣднихъ. Возложеніе императорами воздуховъ, дискосовъ и потировъ на престолъ и аналогія этому въ литургійныхъ обрядахъ. Приготовленіе діаконами евхаристійныхъ даровъ, ихъ перенесеніе и пѣснопѣнія, коими сопровождалось оно. Появленіе херувимскихъ гимновъ, причина введенія ихъ и отношеніе къ одному изъ нихъ Константинопольскаго патр. Евтихія. Время *проскомидійнаго* приготовленія даровъ на основаніи разсказа папы Григорія Двоеслова и нѣкоторыхъ литургическихъ данныхъ. Соответствіе обстановки великаго входа внутреннему значенію его. Участіе въ перенесеніи даровъ императора и вліяніе его на характеръ и обстановку обряда великаго входа. Ношеніе на немъ креста, сіоновъ или іерусалимовъ, воздуховъ, плащаницъ, покрововъ и другихъ свящ. принадлежностей. Замѣчаніе о лицахъ, участвовавшихъ въ великомъ входѣ, и возглашенияхъ, которыми онъ сопровождался. Поминовеніе на немъ живыхъ и умершихъ, постановка его въ древней церкви и слѣды ея въ нынѣшней архіерейской и обыкновенной священнической службѣ. Нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ въ практикѣ пріобщенія священнослужащихъ на архіерейской и соборной священнической службѣ на востокѣ и у насъ въ старое время.

Начальныя дѣйствія литургіи вѣрныхъ представляли въ древней церкви довольно замѣчательный составъ обрядовъ, направленныхъ къ установлению дисциплины, такъ сказать, между присутствовавшими въ храмѣ. Первыя обращенія діакона къ послѣднимъ имѣли въ то время цѣллю сохранить недоступность этой части литургіи для непосвященныхъ и установить порядокъ между самими вѣрными. „Да никто отъ оглашенныхъ, да никто отъ непосвященныхъ и не могущихъ молиться вмѣстѣ съ нами..., познайте другъ друга!“—этими и подобными имъ напоминаніями начиналась тогда литургія вѣрныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обращеній мы слышимъ и до сихъ поръ, но они уже утратили въ настоящее время свой прежній живой интересъ и послѣдующіе акты литургіи пріобрѣли у насъ чрезъ это какъ бы большее значеніе. Говоря это, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ умовеніе архіереемъ рукъ предъ великимъ входомъ, столь сосредоточивающее на себѣ вниманіе присутствующихъ въ храмѣ. Въ старое время на Руси, если не совершилось хиротоніи священника, архіерей умывалъ иногда руки не на виду у всѣхъ, а въ олтарѣ вмѣстѣ съ сослужащими, какъ и до сихъ поръ поступаютъ нѣкоторые іерархи на востокѣ и какъ то дѣлаетъ у насъ подъ жертвенника каждый священникъ съ діакономъ передъ проскомидіей.

Очень долгое время на востокѣ и всѣ вѣрующіе изъ особаго бассейна или просто чаши съ водой омывали себѣ руки и лицо при входѣ въ храмъ. Въ объясненіе послѣдняго прежде всего слѣдуетъ сказать, что въ жаркомъ климатѣ востока омовеніе всегда составляло весьма распространенную гигиеническую потребность и лучшее освѣжающее средство послѣ долгаго пути или пребыванія на открытомъ воздухѣ. Не даромъ въ числѣ первыхъ условій гостепріимства тамъ считалось необходимымъ дать умыть гостю ноги, руки или лицо ¹⁾), для чего между прочимъ въ домахъ зажиточныхъ гражданъ назначалась даже особая комната при входѣ съ резервуаромъ посрединѣ. Вызываемый въ житейскомъ быту естественною нуждою, обрядъ омовенія въ то же время составлялъ принадлежность общую едва-ли не всѣмъ религіознымъ культамъ древности и вполнѣ понятное требование отъ каждого, кто приносилъ жертву и приступалъ какъ бы предъ лицемъ Божіе. Бассейнъ или по-крайности болѣе или менѣе значительный сосудъ съ водой имѣлъ потому мѣсто во дворахъ или притворахъ храмовъ греко-римскихъ, Іерусалимскаго и древне-христіанскихъ и въ послѣднихъ былъ такъ же обыченъ, какъ обычны умывальники (древне-руssкіе „кладязи“) и рукоумывала при олтаряхъ нашихъ церквей. Совершая омовеніе передъ входомъ въ храмъ и тѣмъ свидѣтельствуя о своей сердечной чистотѣ, христіане первыхъ вѣковъ воздѣвали на молитву, по слову апостола (1 Тимоѳ. II, 8), такимъ образомъ, чистыя руки отъ скверны плотской и духовной. Правда, что съ тѣлесною нечистотой они и не входили въ храмъ, но зато они имѣли обыкновеніе приходить къ нему съ руками, полными приношеній, необходимыхъ для отправленія службъ и совершенія вечерей любви. Совѣсть вѣрующихъ могла находить руки нечистыми отъ соприкосновенія съ мірскимъ и, конечно, нужнымъ считала ихъ омывать предъ вступленіемъ въ храмъ, особенно въ виду святости евхаристіи, которую долгое время и простые христіане удостоивались получать въ руки свои, сложенные крестообразно, какъ мы теперь принимаемъ благословеніе отъ священниковъ и епископовъ, или, еще ближе, какъ эти послѣдніе до сихъ поръ приобращаются. „Скажи, дерзнулъ-ли бы ты,— спрашиваетъ Иоаннъ Златоустъ въ одной изъ бесѣдъ ²⁾ своего слушателя,— съ неомытыми руками приступить къ жертве? Не думаю. На-противъ, ты скорѣе рѣшишься вовсе не приступать, чѣмъ приступать

¹⁾ Лавсанкъ *Палладія*, russk. перев., стрр. 30, 144, 174, 191, 200, 211, 292. СПБ. 1850; *Арс. Суханова* Проскиннт. стр. 52, 69; сн. Сказаніе Іоны Маленъкаго въ Палест. сборн. т. XIV, вып. 3 стр. 6—7. ²⁾ На послан. къ Ефес. III, 4; сн. бесс. 52 на Мѳ. и 52 на Иоанна; *Migne, Patrol. ser. gr.* т. LXII, col. 28, 29.

сь нечистыми руками¹⁾“. Еще менѣе могъ дерзнуть самъ священнослужитель—епископъ то или пресвитеръ,—не омывшись войти въ храмъ, тѣмъ болѣе приступить къ совершенню таинства руками, нечистыми отъ прикосновенія къ обыкновеннымъ хлѣбамъ и вообще приносамъ.

Довольно многочисленныя и совершенно ясныя свидѣтельства, какъ отчасти и літургійные тексты, ставятъ вѣдь какого-либо сомнѣнія древнехристіанскій обычай такъ называемыхъ *приношенній*. Сами вѣрующіе приносили тогда въ числѣ прочаго хлѣбы и вино. Но мѣсто, куда слагались послѣдніе и въ которомъ выбирались изъ нихъ необходимыя и лучшія части для таинства, равно также способъ и время приготовленія веществъ для евхаристіи относительно слабо освѣщены историческими данными и во всякомъ разѣ менѣе ясно и полно, чѣмъ это было бы намъ желательно. Принявъ во вниманіе утвержденіе блаж. Августина, что „оглашенные не знаютъ того, что полагается на олтарѣ и что принимается совершеннымъ собраніемъ вѣрующихъ“; что, въ интересахъ *disciplinae arcani*, у непосвѣщенныхъ въ тайны вѣры отнималась всякая возможность предугадывать употребленіе хлѣба въ евхаристическомъ богослуженіи; что, въ ихъ присутствіи, дары, предназначавшіеся для освѣщенія, даже не назывались по имени, а въ случаяхъ неизбѣжныхъ именовались лишь прикровенно, напримѣръ: *пищело изъ сѣмянъ* (*τροφὴ ἐκ σπερμάτων*); должно однако же признать за несомнѣнное, что христіане не входили съ своими приношеніями въ *смѣшанныя молитвенные собранія*, что, оберегая тайну Тѣла и Крови Господней отъ любопытства и воззрѣнія постороннихъ, они должны были отлагать свои дары въ мѣстахъ болѣе или менѣе сокровенныхъ, служили ли таковыми дома предстоятелей, уже и тогда, какъ мы видѣли, устроявшіе смежно съ богослужебными храмами, или особыя комнатки и укромные уголки въ этихъ послѣднихъ. Въ сочиненіяхъ Тертулліана и Кипріана, при которыхъ положено было весьма замѣтное начало обособленію общей части літургіи отъ сакраментальной, и участіе оглашенныхъ въ богослуженіи было строго ограничено первой, есть указанія на особливую отъ молитвенного помѣщенія сокровищницу²⁾, въ которую вмѣстѣ съ денежными приношеніями вносились между прочимъ потребные для евхаристіи хлѣбъ и вино, и которая со временемъ, съ появленіемъ у христіанъ вполнѣ организованныхъ храмовъ и усиленіемъ дисциплины въ отношеніи къ неполноправнымъ членамъ церковнаго собранія, уступила мѣсто *скевофилакію* или *діаконижу*. Уже въ самыхъ древнихъ літургико-каноническихъ постано-

¹⁾ Лавсанка стр. 292—293, гл. 126. ²⁾ *Arcae genus, corbona: Apolog. cap. XXXIX; De opere et eleemosyna; cf. Justin. Apolog. I, 67.*

вленіяхъ касательно устроства церквей христіанскихъ и въ первыхъ извѣстіяхъ о памятникахъ этого рода послѣдній довольно прозрачно выступаетъ съ характеромъ мѣста собиранія приношеній и предуготовленія изъ нихъ веществъ необходимыхъ для таинства и своимъ назначеніемъ соотвѣтствуетъ тому, что впослѣдствіи въ літургическомъ языкѣ полу-чило название предложения (*πρόθεσις*), а теперь зовется у насъ обыкно-венно жертвенникомъ. Въ *Апостольскихъ постановленіяхъ*, въ описа-ніи расположенія молитвенного дома, говорится о нахожденіи съ той и другой стороны въ немъ *pastoforij*, которая при всей неопределѣлен-ности своего названія и спорности положенія, могли однако же служить мѣстомъ складыванія и разбора приношеній, какъ служили они мѣстомъ, куда вносились діаконами остатки даровъ евхаристіи по окончаніи при-чашенія¹⁾.

Въ изданномъ Рамани *Testamentum Domini nostri* (стр. 22—23) пред-писывается, чтобы діаконикъ имѣлъ дворъ (*atrium*) съ окружающимъ его портикомъ и находился вправо отъ праваго бокового входа въ храмъ, „дабы могли быть разсматриваемы доставлявшіяся вѣрующими приноше-нія“ (*ut eucharistiae sive oblationes, quae offerentur, possint cerni*). Какъ бы въ объясненіе того, съ какою цѣлью производилось это разсмотрѣ-ніе, Лаодикійскій соборъ и говоритъ, „что не должно иподіаконамъ имѣть мѣсто въ діаконикѣ и касаться священныхъ сосудовъ“, подразумѣвает-ся, съ ихъ содержимымъ, т. е. съ хлѣбомъ и виномъ, приготовленными для таинства²⁾). Павлинъ Ноланскій, сказавъ въ письмѣ своемъ къ Сульпицію Северу, что абсида построенной имъ (399—400 гг.) въ честь муч. Феликса новой базилики „расширялась внутри пространной своей окружности правою и лѣвою конхулами“ (*duabus dextra laevaque conchulis*), замѣчаетъ про послѣднія: „одна изъ нихъ открыта для прино-сящаго жертвы хваленія предстоятеля (*una eorum immolanti hostias ju- bilationis antistiti patet*), другая своимъ вмѣстительнымъ лономъ прини-маетъ послѣ священника молящихся“, которые, желая поучаться въ за-конѣ, могли бы оставаться въ ней и углубляться въ священные книги. Приводя немного ниже помѣщавшіяся надъ этими полукружіями или, какъ самъ Павлинъ о нихъ выражается, *секретаріями трихорной аб-сиды* стихотворная надпись, онъ описываетъ въ нихъ правую отъ ол-таря конху, какъ достопокланяемое мѣсто, куда собирается и откуда выносится благодѣтельная помпа священнослуженія (*Hic locus est ve-neranda penus qua conditur et qua promitur alma sacri pompa*

¹⁾ Const. Apost. II, 57; VIII, 13; russk. пер. стр. 89, 280—281. ²⁾ Правила по-мѣстн. соборр. въ russk. пер. вып. 1, стр. 232—233. М. 1880.

ministerii). Всѣми этими образными выраженіями (*immolare собств.* посыпать жертвенное животное мукою; въ соединеніи съ hostias— приносить въ жертву, закалать его для умилостивленія божевъ) Павлинъ Ноланскій, представляется намъ, хотѣль сказать, что въ данномъ олтарномъ отдѣленіи не просто складывались, разбирались и до времени хранились приношенія вѣрующихъ, но и особымъ літургическимъ образомъ или способомъ были приготовляемы изъ нихъ евхаристические дары, которые затѣмъ съ соответствующею обстановкой изъ находившихся здѣсь же церковныхъ утварей переносились въ олтарь.

Въ IV—V вѣкѣ, во время полнаго развитія *disciplinae arcani* и тѣсно связаннаго съ нею катихумената, приносить дары *прямо* къ олтарю и самолично возлагать ихъ на престолъ предстоялось только царямъ, вступленіе которыхъ въ храмъ почти совпадало съ удаленіемъ изъ него оглашенныхъ и началомъ літургіи вѣрныхъ. Изъ чего состояли тогда царскія приношенія, приготовлявшіяся иногда ихъ собственными, по словамъ современниковъ, руками, опредѣленно и точно мы не знаемъ; столѣтіемъ-двуя позднѣе византійскіе императоры, по молитвѣ предъ престоломъ и цѣлованіи индитіи, обычно постиали поверхъ ея принесенные въ даръ два бѣлыхъ воздуха или платы (*ἀπλοῖσι ἐπάνω τῆς ἀγίας τραπέζης τους δύο κατά τὸ εἰώθδε λευκοὺς ἀέρας, ἐφαπλοῖ ἐν αὐτῇ εἴλητά δύο*), ставя на нихъ по большимъ праздникамъ, напримѣръ въ Пасху и въ Рождество Христово, еще по одному-по двумъ потира и дискоса съ покровами и съ всегдашимъ денежнымъ апокомвіемъ¹⁾). Это постиланіе на престолѣ воздуховъ или платовъ императорами, которому по времени совершенія и смыслу вполнѣ отвѣчаетъ теперешнее раскрытие илітона съ антиминсомъ на літургіи, начинаемое обыкновенно при возглашеніи *прошенія* въ сугубой ектеніи о царѣ и оканчивающеся съ „молитвою о оглашенныхъ прежде святаго возношенія“ (*πρὸ τῆς ἀγίας ἀναφορᾶς;* въ греч. Венеціанск. изд. *πρὸ τοῦ ἀπλωθῆναι τὸ εἴλητόν*), было, собственно говоря, уготовленіемъ св. трапезы къ принятію имѣвшихъ быть возложенными на нее даровъ, но не самымъ ихъ *принесеніемъ*. Это послѣднее и въ первыя времена церкви и тѣмъ болѣе въ періодъ образования и полной силы института оглашенныхъ преимущественно совершалось діаконами, которые какъ служители при трапезахъ, приготовивъ изъ приношеній вѣрующихъ на отдѣльномъ ли столикѣ, въ особой ли комнатѣ вещество для таинства, то есть, избранный хлѣбъ положивъ на блюдо или блюда, вино смѣшавъ съ водою въ одной или двухъ чашахъ, сообразно съ чис-

¹⁾ De ceremon. vol. I pp. 15, 65, 133, 145, 631.

ломъ участвовавшихъ въ евхаристіи, приносили ихъ къ предстоятелю, возлагавшему дары на жертвенникъ.

Это вначалѣ простое, легшее однако же въ основу цѣлого прокомидійного обряда дѣйствіе предуготовленія діаконами и поставленія на престолѣ епископомъ или пресвітеромъ хлѣба и вина пріобрѣтаетъ со временемъ таинственный характеръ, и мы легко замѣтимъ разницу въ образѣ его совершенія путемъ сличенія хотя бы относящихся сюда мѣстъ изъ Іустина Мученика, Апостольскихъ Постановленій и Діонисія Ареопагита. Лишенное всякой символической обстановки въ передачѣ первого, предваряемое и сопровождаемое рядомъ дѣйствій и молитвъ священнослужителей и самихъ вѣрующихъ въ пе-ріодъ Апостольскихъ Постановленій, въ описаніи Ареопагитомъ принесение даровъ къ олтарю представляется уже таинственнымъ и потому, разумѣется, торжественно всею церковю совершаляемъ обрядомъ. По оставленіи въ храмѣ „только достойныхъ созерцанія божественныхъ тайнъ“ и выходѣ изъ него оглашенныхъ съ бѣсноватыми и кающимися, „избранные изъ священнослужительского чина“, первые діаконы, какъ поясняетъ Максимъ Исповѣдникъ въ своей схоліи къ данному мѣсту Діонисія, „предлагаютъ вмѣстѣ съ іерезами на божественный жертвенникъ (покровенный) священный хлѣбъ и чашу благословенія“, между тѣмъ какъ все церковное собраніе возглашаетъ каѳолическое пѣснопесловіе, „одними называемое хвалебною пѣснию, другими символомъ вѣры, иными, какъ я думаю“, прибавляетъ Діонисій въ своемъ созерцаніи, „богоприличнѣе—священноначальственнымъ благодареніемъ, такъ какъ оно объемлетъ нисходяще къ намъ отъ Бога священные дары¹⁾. Едва ли серьѣзно кто станетъ оспаривать, что самыи этотъ торжественный характеръ предложенія „священного хлѣба и чаши благословенія“ на жертвенникъ уже обусловливается ихъ раннѣйшимъ вѣтъ олтаря предуготовленіемъ въ „досточестные символы, чрезъ которые изобразуется и восприемлется Христосъ“, какъ нельзя, намъ представляется, не видѣть и того, что вся позднѣйшая церемоніально-обрядовая обстановка великаго входа или, какъзамѣчательно точно и вѣрно выражались встарину, „преноса, великаго преноса“, стояла въ тѣсной связѣ съ обработкой проскомидіи, какъ предварительной и жертвоуготовительной части литургіи, и развивалась все время на счетъ этой послѣдней, какъ дѣйствія, въ сущности тождественнаго съ нимъ. Только при допущеніи благословенія предуготовленныхъ въ діаконикѣ съ такою или иною

¹⁾ Писанн. літургич. т. I, стр. 71—72. 82 . 83.

молитвою даровъ для таинства въ состояніи мы будемъ объяснить, почему не просто хлѣбомъ и виномъ съ водою называются послѣдніе, почему іереями съ перводіаконами переносятся они покровенными къ олтарю и воспѣваются всѣми молящимися, „какъ благодѣтельное и благопода-тельное начало, которымъ открыты для насть спасительныя таинства“¹⁾.

Авторъ *Церковной іерархіи* недостаточно опредѣленно, правда, пе-редаетъ намъ содержаніе „каѳолического пѣснословія“, которое, должно думать, въ разныхъ церквяхъ было тогда неодинаково, какъ различны были пѣвшіяся на великомъ входѣ стихиры даже въ періодъ возникно-венія первыхъ записей Устава на востокѣ²⁾ и не одни и тѣ же псалмы возглашались на западѣ во время offertorium'a,—но важенъ самыи фактъ сравнительно близкаго появленія къ эпохѣ вышеназванного сочиненія и вве-денія въ литургійную практику, такъ называемыхъ, *херувимскихъ* гимновъ на перенесеніе даровъ изъ скевофилакія или діаконика въ олтарь. Кто былъ творцомъ этихъ пѣснопѣній съ относящейся къ нимъ молитвой: „Никтоже достоинъ“, надписываемыхъ иногда въ нашихъ старинныхъ славянскихъ Служебникахъ именами Іоанна Златоустаго и Василія Вели-каго³⁾,—не имѣемъ свѣдѣній изъ древнѣйшихъ временъ. Георгій Ке-дринъ, подкрѣпляемый отчасти св. Евтихіемъ, патр. Константинополь-скимъ, въ своемъ Σύνοψις передаетъ только, что *Иже Херувимы* (ὁ χε-ρουβικός ὄμος) и *Вечери твоєя тайныя* въ великій четвертокъ установлено пѣть въ девятый годъ царствованія Іустина Младшаго (565—578), стало быть, при патріархѣ Іоаннѣ III Схоластикѣ⁴⁾, а пѣснь: *Да мол-читъ всякая плоть* находимъ уже записанною въ одномъ изъ древнѣй-шихъ списковъ литургіи Іаковлевой⁵⁾. Начало пѣнію: *Нынѣ силы не-бесныя* на Преждеосвященной и тропаря: *Да исполняются уста наша хваленія* въ концѣ всѣхъ литургій, по причащеніи и при перенесеніи теперь только дискоса и потира съ св. дарами, въ древности еще ри-пидъ и прочихъ священныхъ утварей съ престола на жертвенникъ или въ скевофилакій, по словамъ Александрійской хроники⁶⁾, положено было при импер. Иракліи и Константинопольскомъ патр. Сергіи, въ 615—620 годахъ.

Фактъ почти одновременнаго, на пространствѣ всего четырехъ десяти-лѣтій возникновенія и введенія въ употребленіе херувимскихъ пѣсней, отли-

¹⁾ Писанн. літургич. т. I, стр. 82, 84. ²⁾ Типикъ Іерусал. храма Воскр. въ изд. *Керамеса*, стр. 25, 187, 202. ³⁾ *Горскаго и Невоструева* Описан. Синод. рукопл. III, 1 стр. 51—52. ⁴⁾ Corpus scriptor. Hist. Byzant.. Georg Sedren. t. I pag. 684—685; conf. Migne Patrolog. ser. graec. t. LXXXVI, pars poster. col. 2400—2401; сн. Собрание древнихъ литургій, вып. IV, стр. 65. СПБ. 1877. ⁵⁾ Swainson, The Greek Liturgies, p. 240. ⁶⁾ Chronicen Paschale, vol. I p. 705, въ Corp. scriptor. Hist. Byzant.

чающихся замѣчательнымъ единствомъ основной мысли, невольно оставляетъ на себѣ вниманіе и заставляетъ задумываться надъ причинами его. Данное гимнографическое явленіе могло быть вызвано тѣмъ или другимъ измѣненіемъ, происходившимъ въ самомъ літургійномъ обрядѣ. Что какое-то нововведеніе имѣло мѣсто въ літургіи во второй половинѣ VI — первой четверти VII стол., на это указываетъ, повидимому, одно мѣсто изъ письма къ Фомѣ пресвитеру Іакова Едесскаго. Сказавъ о прибавленіи въ чинѣ літургіи символа вѣры 318-ти отцовъ при Константинопольскомъ патр. Тимоѳеѣ въ 510 г., послѣдній замѣчаетъ: „Немного послѣ того, какъ учреждены были некоторые обряды и торжественные священнодѣйствія въ церкви, изъ трехъ молитвъ вѣрныхъ благоугодно было, чтобы первая была предъ тайнымъ прошеніемъ мира, вторая при возложеніи рукъ и третья, при которой раскрываютъ престолъ (*sunt qua mensam discooperiunt*), симъ означая, что *тогда открываются* врата небесныя¹⁾). Указаніе само по себѣ мало опредѣленное, но принимая въ соображеніе, что оно слѣдуетъ у Іакова Едесскаго за рѣчью о символѣ вѣры, читавшемся первоначально на літургіи послѣ евангелія, и связано съ упоминаніемъ о молитвахъ вѣрныхъ, мы едва ли очень ошибимся, если вновь учрежденные обряды и торжественные священнодѣйствія отнесемъ въ эту часть літургіи и будемъ разумѣть подъ ними прежде всего великий входъ или переносъ. Въ херувимскихъ гимнахъ о послѣднемъ говорится какъ о вполнѣ опредѣлившемся, высоко торжественномъ и глубоко таинственномъ обрядѣ. Дары, подъять которые, какъ царя, подобно византійскимъ дорифорамъ, призываются всѣ вѣрные, представляются въ нихъ совершенно готовыми; предносимыя имъ рипиды устроены уже на подобіе ангельскихъ ликовъ, херувимовъ и серафимовъ, и изъ прежнихъ опахалъ превратились въ церемоніальную принадлежность, а самое перенесеніе изображенено, какъ таинственное шествіе Господа на закланіе. Все это, вмѣстѣ взятое, и особенно ясно выраженная во всѣхъ херувимскихъ мысль о невидимомъ участіи въ совершающемся ангеловъ показываетъ, что во второй половинѣ VI вѣка и первой четверти VII-го приготовленіе даровъ въ сковофилакіи было уже не простымъ дѣйствиемъ древне-христіанского выдѣленія изъ принесенныхъ вѣрующими даровъ веществъ, необходимыхъ для евхаристіи, а имѣло характеръ священнодѣйствія, по силѣ котораго дары, переносившіеся съ жертвенника на престолъ, были въ глазахъ гимнографовъ не простыми хлѣбомъ и виномъ, но *святыми* дарами, въ Тѣло и Кровь Христову предустроенными.

¹⁾ Assemanni Biblioth. orient. t. I p. 480—481; сн. Собр. древн. лит. вып. III, стр. 114.

Правда, что св. Евтихій, патр. Константинопольський, писаль о лицахъ, „предавшихъ народу для произнесенія нѣкое хвалебное пѣснопѣніе (*ὅμνον τινὰ φαλμικόν*), соотвѣтствующее по ихъ мнѣнію совершающему дѣйствію принесенія хлѣба предложенія и незадолго передъ тѣмъ растворенной чаши къ св. престолу (*τὸν τῆς προθέσεως ἀρτον καὶ τὸ κερασθὲν ἀρτίως ποτήριον τῷ ἀγίῳ θυσιαστηρίῳ προσάγειν μελλούστης τῆς λειτουργικῆς τάξεως*): „на-
прасно думаютъ (*ματαιάζουσιν*), что приносятъ Царя славы и даже называютъ такъ приносимое и еще не достигшее совершенства архіерейскимъ призываніемъ (*διὰ τῆς ἀρχιερατικῆς ἐπικλήσεως*) и являющимся при семъ освя-
щеніемъ“; но онъ не отрицалъ возможности „соединять съ пѣснопѣніемъ другої смыслъ“, болѣе сообразный съ существомъ еще несовершенной и не освященной жертвы. Предостерегая вѣрующихъ отъ неподобающаго къ ней отношенія, какъ отъ своего рода хлѣбопоклоннической ереси, въ которой винили потомъ восточныхъ „схизматиковъ“ нѣкоторые латинскіе писатели ¹⁾), св. Евтихій не напечь однако же нужнымъ изъ-
ять изъ употребленія введенного его предшественникомъ херувимскаго гимна. Въ чёмъ состояло послужившее основаніемъ къ появлению по-
слѣдняго благословеніе хлѣба предложенія и растворенной чаши, на ко-
торое, подобно Діонисію Ареопагиту, намекаетъ патр. Евтихій, въ концѣ
своего трактата о Пасхѣ и св. евхаристії ²⁾,—неизвѣстно. Изъ словъ св.
отца, можно заключать только, что уготовленіе даровъ въ сковофилакіи
происходило въ его время не передъ самымъ ихъ перенесеніемъ, а ког-
да-то ранѣе его (*μελλούστης τῆς λειτουργικῆς τάξεως*).

Не безынтереснымъ въ данномъ случаѣ представляется и разсказъ младшаго современника патр. Евтихія, св. Григорія Двоеслова (†604), о двухъ знатныхъ, спасавшихся неподалеку отъ Венедикта Нурсій-
скаго монахиняхъ, часто своими рѣчами обижавшихъ своего благо-
честиваго прислужника. Узнавъ отъ послѣдняго объ обидахъ, имъ пре-
терпѣваемыхъ, настоятель знаменитой обители нерѣшительно, но въ
видѣ угрозы сказалъ монахинямъ: „Обуздайте языкъ вашъ; если не
исправитесь, лишу васъ общенія (*excommunico excommunicabō, ἀκοινω-
νήτως ποιῶ*)“. Нисколько не исправившись, женщины черезъ нѣ-
сколько дней умерли и погребены были въ церкви. Когда въ по-
слѣдней совершилась литургія и „діаконъ по обычаю возглашалъ: ли-
шенные общенія изыдите (*si quis non communicat, det locum*), корми-
лица этихъ женщинъ, имѣвшая обыкновеніе подавать приношеніе за
нихъ Господу (*pro eis oblationem Domino offerre*), видѣла, какъ онъ

¹⁾ См. у Гоара въ Евхол. р. 132—133. ²⁾ Migne Patrolog. ser. graec., t. 88, col. 2400; сн. Собр. древн. лит. в. IV, стр. 64.

вставали изъ своихъ гробовъ и выходили изъ церкви (*exire de ecclesia*). Чаще и чаще видя, какъ по возгласу діакона монахини выходили вонъ (*exibant foras*), она вспомнила про угрозу человѣка Божія, рѣшила, что онъ лишены общенія съ церковю (*se communione privare*), и обо всемъ съ тяжкою скорбю разсказала рабу Божию. „Св. Венедиктъ сейчасъ далъ ей просфору изъ своихъ рукъ, сказавъ: иди, принеси за нихъ Господу эту просфору, и онъ не будуть болѣе въ отлученіи¹⁾. Когда сдѣлано было за нихъ *cie приношеніе*²⁾, и діаконъ провозгласилъ по обыкновенію, чтобы отлученные вышли изъ церкви³⁾, уже не видно было, чтобы и монахини выходили изъ церкви“⁴⁾. И подача приношенія за умершихъ монахинь кормилицей и принесеніе за нихъ же просфоры⁵⁾ св. Венедикта предшествовали возглашенію діакона, по которому *отлученные выходили изъ церкви*. Возгласъ какой именно литургійной отрасли имѣлъ въ виду въ данномъ разѣ Григорій Великій,—съ рѣшительностію, не допускающею возраженій, сказать трудно. Чинопослѣдованіе римской литургіи, къ которому естественнѣе всего обратиться при этомъ, по древнѣйшимъ и извѣстиѣйшимъ теперь сакраментаріямъ не заключаетъ въ себѣ интересующей насъ подробности. Принимая во вниманіе однако же ближайшій смыслъ *возгласа* и всего разсказа, болѣе сообразнымъ представляется относить первый къ разряду тѣхъ довольно разнообразныхъ по содержанію и формѣ діаконскихъ возглашеній⁶⁾, которыми на востокѣ и въ первые вѣка на западѣ, по окончаніи общей части литургіи, уделяемы были изъ храма оглашенные, кающіеся и вообще неполноправные члены церковнаго собранія, къ которымъ принадлежали по всемъ признакамъ и обѣ монахини, лишенныя при жизни св. Венедиктомъ, должно думать, пріобщенія, а слѣдовательно и права принесенія даровъ для евхаристіи. Если вѣрно понять нами приведенный разсказъ, то значитъ, что въ VI стол., при Венедиктѣ Нурсійскомъ, *жертвенное*, какъ бы сказать, употребление приносившихъ вѣрующими даровъ за умершихъ въ литургіи западной церкви начиналось до выхода изъ храма оглашенныхъ и кающихихся.

На то же самое мѣсто для предуготовленія евхаристическихъ даровъ въ восточной литургіи указываетъ, повидимому, и наша сугубая ектенія, со-

¹⁾ *Manu sua protinus oblationem dedit, dicens: Ite et hanc oblationem pro eis offeri Domino facite, et ulterius excommunicatae non erunt.* ²⁾ *Quae dum oblatio pro eis fuisset immolata.* ³⁾ *Ut non communicantes ab ecclesia exirent.* ⁴⁾ *S. Gregorii Magni Opera omnia, t. II, col. 252—253. Dia logorum lib. II cap. XXIII. Parisiis. 1705; сн. русск. пер. Собесѣданій о жизни Италійскихъ отцевъ, кн. 2 гл. 23, стр. 125—127. Казань. 1858.* ⁵⁾ *Immolatio oblationis.* ⁶⁾ См. для примѣра у *Бунзена* въ *Hippolytus und seine Zeit*, B. II s. 411.

стоящая изъ раздѣльного поминовенія всѣхъ живыхъ и усопшихъ членовъ церкви и оканчивающаяся молитвою за оглашенныхъ предъ святымъ возношениемъ. Съ ослабленіемъ дисциплины въ отношеніи послѣднихъ и уменьшеніемъ ихъ числа приготовленіе даровъ съ только-что указанного мѣста въ первой части литургіи придвижнулось нѣсколько къ ея срединѣ, а съ исчезновеніемъ катихумената перешло на самое ея начало, подобно тому, какъ и священносовершитель, входившій въ олтарь въ болѣе древнюю эпоху церкви не прежде, какъ по удаленіи изъ храма оглашенныхъ, бѣсноватыхъ и кающихся, повидимому, около времени первой молитвы вѣрныхъ, сталъ приступать потомъ къ св. престолу все раньше и раньше. Что на маломъ входѣ происходила нѣкогда проскомидія,—за это говорять и ясныя историческая свидѣтельства и иѣкоторыя отрывочные литургическія данныя. Даже въ XI стол., когда проскомидія въ видѣ самостоятельного цѣлага несомнѣнно занимала то же мѣсто, что и въ теперешнемъ Служебникѣ, не считалось невозможнымъ въ Византіи по монастырямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ въ памяти обновленія или освященія церквей, „попови проскумисаніе творити“ по началѣ литургіи оглашенныхъ въ придѣлѣ, торжественной літії вокругъ храма и по маломъ входѣ священнослужащихъ въ главный олтарь¹⁾). Не на время ли совершенія проскомидіи указываютъ далѣе полагавшіяся въ нашихъ старыхъ Служебникахъ благословеніе священникомъ предложенныхъ въ жертвенникъ честныхъ даровъ предъ выходомъ изъ него съ евангеліемъ и удаленіе архіерея въ предложеніе тотчасъ по вступленіи въ олтарь для исполненія проскомидійныхъ дѣйствій, отправляемыхъ имъ нынѣ предъ перенесеніемъ даровъ? ²⁾ А наблюдаемая теперь при пѣніи стихирѣ на Господи воззвахъ уготовленіе въ жертвенникъ преждеосвященныхъ даровъ и совершеніе проскомидіи на литургіи, соединяющей съ вечерней³⁾), не являются ли живыми показателями мѣста, занимавшагося нѣкогда въ общей части литургіи приготовленіемъ даровъ? Совершалось-ли послѣднее передъ самымъ выходомъ или на маломъ входѣ, какъ позднѣе—въ началѣ литургіи или при концѣ непосредственно соединявшейся и даже сливавшейся съ нею утрени (т. е. по великому словословіи и чтеніи евангелія, или же по окончаніи літії; въ томъ и другомъ случаѣ во время молитвы: *Спаси Боже люди твоя,*

¹⁾ Опис. Синод. рукопп. Горскаго и Невоструева отд. I, ч. 1 стр. 271—273, 275.

²⁾ Тамъ-же стрр. 50, 51, 79, 207, 223; сн. Дмитріевскаго Богослуж. Русск. церкви въ XVI в., стр. 103—104, 105. ³⁾ Прот. Никольскаго Пособіе къ изуч. Устава, стр. 470—471; Типикона замѣчан. о праздн. Благовѣщ. въ вел. пятокъ сн. съ Чиновникомъ Новгор. Соф. соб. стр. 79, 106, 84.

входившей нѣкоторое время потомъ въ составъ проскомидійного послѣдованія), только великий входъ въ періодъ появленія херувимскихъ гимновъ, какъ показываетъ главнымъ образомъ анализъ ихъ содержанія, былъ въ сущности *перенесеніемъ* изъ сковофилакія на престолъ уже проскомидійныхъ, т. е. благословеніемъ и, вѣроятно, такою или иною молитвою приготовленныхъ въ Тѣло и Кровь Христовы даровъ.

Съ существомъ переносимыхъ даровъ и внутреннимъ значеніемъ обряда великаго входа сообразовалась болѣе или менѣе и самая обстановка его. Состоявшая въ первые вѣка церкви только изъ предметовъ существенно-необходимыхъ: одной или нѣсколькихъ чашъ и столькихъ же дисковъ для принесенія къ олтарю евхаристическихъ веществъ, опахаль и затѣмъ покровцевъ для предохраненія послѣднихъ отъ насѣкомыхъ,—со временемъ она незамѣтно осложняется на востокѣ и мало-по-малу приобрѣтаетъ торжественный характеръ, а главное, получаетъ въ глазахъ участниковъ богослуженія и въ трудахъ истолкователей его глубокое символическое значеніе. Употребленіе кажденія и свѣтильниковъ сначала въ общежитейскомъ, потомъ въ духовномъ смыслѣ и нѣредко въ очень большомъ числѣ и замѣна древне-христіанскихъ кожаныхъ, полотняныхъ или же изъ перьевъ ришидъ металлическими изъ золота и серебра съ драгоценными камнями, всего чаще на подобіе херувимскихъ ликовъ (отсюда *χερουβικόν* иногда то же значитъ, что и *ριπίδιον*), были первоначальными, какъ кажется, актами въ развитіи обстановки обряда великаго входа.

Многимъ въ своемъ ритуалѣ послѣдній обязанъ былъ далѣе Византіи, присутствію собственно царя ея за службою въ Великой константинопольской церкви. Участіе императора въ перенесеніи даровъ сопровождалось особыеннымъ блескомъ и оставило на характерѣ великаго входа едва ли не самый яркій и глубокій слѣдъ сравнительно со всеми другими богослужебными обрядами, въ которыхъ активно приходилось участвовать царю. По обряднику Константина Порфиороднаго, когда наступало время совершенія великаго входа, препозитъ—одинъ изъ высшихъ сановниковъ двора—докладывалъ о томъ государю, который, облачившись въ хламиду, предваряемый скиптраами и прочими инсигніями (*τὸν λαπτῶν σκεφῶν*), съ чинами синклита и ближайшею свитой южной стороной св. Софіи, церемоніально шелъ изъ мутаторія—своего обычнаго мѣста за амвонъ, куда немногимъ ранѣе слѣва изъ сковофилакія приходили священнослужащіе съ церковными утварями и св. дарами. Въ качествѣ примикирія-свѣщенносца царь бралъ черезъ препозита несомую предъ послѣдними лампаду и, предшествуемый опять-таки скиптраами, знаменами и синклитомъ,

во главѣ процессіи всходилъ на солею. Поставивши свѣчу справа св. дверей царь обмѣнивался, быть можетъ, поклономъ съ патріархомъ, срѣтавшимъ въ нихъ св. дары. По кажденіи архидіакономъ царя и святителя и внесеніи даровъ въ олтарь, государь привѣтствовалъ патріарха, по всей вѣроятности, пожеланіемъ многихъ лѣть (*ἀποχαιρετίσει*) и удалялся снова къ себѣ въ мутаторій ¹⁾). По позднѣйшему коронаціонному чину ²⁾ и разсказу діакона Игнатія—нашего паломника въ Царьградъ ³⁾), царь, приглашенный въ началѣ херувимской пѣсни двумя старѣйшими діаконами, шель въ предложеніе—олтарь малый, предъ входомъ въ который поверхъ саккоса облачаемъ быль еще въ золотую мантію („во священный фелонецъ“). Съ короною на главѣ, крестомъ или возженою свѣчею въ правой рукѣ и скіпетромъ (*υάρδγκα*) въ лѣвой онъ медленно, впереди діаконовъ, іереевъ и вообще всѣхъ церковно-служащихъ съ священными сосудами, покровами и св. дарами, оберегаемый со сторонъ тѣлохранителями и знатными юношами, числомъ до ста, въ парадномъ одѣяніи и, конечно, съ принадлежностями ихъ званія, направлялъ свое шествіе съвернымъ нефомъ чрезъ средину храма къ солеѣ его. Между тѣмъ какъ всѣ останавливались подлѣ нея, царь продолжалъ свой путь къ св. вратамъ и, обмѣнившись поклономъ съ ожидавшимъ здѣсь св. дары патріархомъ, давалъ мѣсто слѣдовавшимъ за нимъ священнослужащимъ, изъ которыхъ каждый, начиная съ архидіакона съ кадиломъ въ десницѣ и омофоромъ въ шуйцѣ, проходя мимо государя и патріарха, болѣе или менѣе громко благожелалъ имъ словами: *Да помянетъ Господь Богъ державу царства твоего или архиерейство твое во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, Аминь.* Эти молитвенные возвзванія до сихъ поръ напоминаютъ о себѣ въ обрядѣ великаго входа, а такія археологическія подробности, какъ ношеніе скіпетровъ, мечей и т. п. символовъ верховной свѣтской власти, долгое время имѣли мѣсто на востокѣ при перенесеніи даровъ и послужили основаніемъ ко введенію въ херувимскіе гимны нѣкоторыхъ образныхъ выраженій ихъ составителями и были предметомъ толкованія многихъ восточныхъ литургистовъ-экзегетовъ. Нужно-ли говорить, что участіе царя въ скромномъ званіи церковнослужителя, но въ богатѣйшей обстановкѣ восточного владыки сообщало великому входу художественно-перемоніальный характеръ и приводило очевидцевъ въ такой восторгъ, что они отказывались порой передать на словахъ свое впечатлѣніе.

¹⁾ De ceremoniis, vol. I, pagg. 16—17, 65, 133; сн. *Бѣлляса Byzantina II*, 164—166.

²⁾ Codini De officiis cap. XVII, pp. 93—95; сн. Haberti *Ἀρχιερ.* p. 608—609. ³⁾ Сахарова Сказаній русск. народа т. 2, кн. VIII, стр. 103—104.

„И толико бысть благочинно и чествованно и преукрашенно, яко умъ человѣческій превосходя“ ¹⁾,—отзываются о совершении „переноса“ упомянутый діаконъ Игнатій въ своемъ разсказѣ „о поставленіи и вѣнчаніи царя Мануила (1391—1425) на царство“.

Рядомъ съ этою показаною стороной, дѣйствовавшей преимущественно на зрѣніе и любопытство присутствовавшихъ за службой была въ обстановкѣ великаго входа другая, несравненно болѣе для нихъ важная, преслѣдовавшая иныя цѣли, возбуждавшая и питавшая въ молящихся религіозныя мысли и чувства. Говоря это, разумѣемъ давнее ношеніе на входѣ съ дарами священныхъ предметовъ и реликвій, не необходимыхъ для совершения обряда, но служившихъ интересамъ церковной символики. Уже уставъ Іерусалимской церкви, говоря о літургіяхъ первыхъ дней Пасхи, предписываетъ „носить съ св. дарами (изъ сковофилакія въ олтарь) двѣнадцать кадильницъ и крестъ ²⁾“. Много спустя на Руси архіерей, не исходившій иногда къ жертвеннику для совершения поминовенія, „знаменалъ священниковъ и творилъ обычный отпускъ на перенось“ крестомъ, съ которымъ, вѣроятно, одинъ изъ іереевъ и шелъ потомъ въ великомъ входѣ и который святитель, по возложеніи даровъ на олтарь и освѣніи народа свѣчей, снова у него „принималъ и хотящихъ знаменалъ, также крестообразно благословляль всѣхъ ³⁾“. Послѣдній обрядъ можно и до сихъ поръ наблюдать у единовѣрцевъ съ раскольниками, а за нашею архіерейскою и соборною службой носятся одно—два распятія и къ нимъ прикладываются только несущіе ихъ во входѣ священники. Сопоставляя замѣчанія только-что названного Типика о перенесеніи даровъ на пасхальныхъ літургіяхъ съ подробно изложеннымъ въ немъ выносомъ стами съ муромъ священнослужащими въ великий четвертокъ, нельзя не замѣтить, съ одной стороны, поразительного сходства въ пѣломъ строѣ чина муроосвященія съ літургійной службой, съ другой—легко видѣть, что въ обстановкѣ „переноса“ даровъ на послѣдней многоаго не достаетъ изъ той торжественности, которою окружено было шествіе съ муромъ въ олтарь изъ предложенія въ первомъ. Весьма вѣроятно, что составитель Типика не сполна представилъ обстановку входа съ дарами на Пасхѣ, опустивъ въ ней такія детали, какъ ношеніе свѣчей, скипетровъ и рипидъ, которыхъ виѣ сомнѣнія тогда существовали ⁴⁾.

¹⁾ По рукопп. Импер. Публ. библ. изъ собр. гр. Толстова № 50, (у Страева № 341 л. 213 об): *Кому есть можно исповѣдати красоты твои!* ²⁾ Въ изд. Керамевса стр. 212; у Дмитревскаго стр. 200—201. ³⁾ Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. III, 1 стр. 96—97; сн. Павла Алеппскаго Путешеств. антіох. патр. Макарія въ перев. Муркоса, вып. III стр. 45. ⁴⁾ Въ изд. Керамевса стр. 102; Дмитревскаго стр. 98—99.

Не видно изъ Типика и употребленія на великомъ входѣ такъ называемыхъ *сіоновъ* или *іерусалимовъ*, при имени которыхъ мысль невольно переносится къ Сіонской горницѣ и богослужебнымъ порядкамъ храма Воскресенія, хотя эти церквеобразные ковчеги несомнѣнно уже известны были въ то время на востокѣ, напримѣръ, въ практикѣ Великой церкви. „И какъ понесутъ свѣтозарный іеросалимъ и рипиды“, замѣчаетъ Антоній Новгородецъ въ своемъ описаніи видѣніаго имъ въ св. Софіи переноса, „и тогда вздыханіе и плачь бываетъ людемъ о грѣсѣхъ. Кій умъ и какова душа, иже не помянеть тогда о царствіи небеснѣмъ и о жизни безконечной¹⁾“. Между прочими принадлежностями богослуженія перешли къ намъ изъ Византіи и эти сіоны. Лѣтописи²⁾ и другие памятники констатируютъ фактъ существованія уже въ XI—XII столл. на Руси „церковныхъ іерусалимовъ“, по мѣстамъ „вельми великихъ, отъ злата чиста и каменья многоцѣнна“ устроившихся нашими князьями и епископами, а позднѣйшіе уставы соборной службы много разъ упоминаютъ о ношеніи ихъ на великому сожалѣнію, не говорять ничего опредѣленнаго обѣ ихъ назначеніи при этомъ. Одни изъ ученыхъ отождествляли іерусалимы съ дарохранительницами⁴⁾, но не объясняли: для чего въ такомъ случаѣ они выносились и показывались при перенесеніи даровъ? По другимъ⁵⁾, не отрицавшимъ подобнаго назначенія, Сіоны выносились діаконами на великому входѣ при архіерейскихъ служеніяхъ *вмѣсто митры*. Но, не говоря уже о не совсѣмъ понятномъ для нась смыслѣ такой замѣны, должны замѣтить, что „архіепископы давали діаконамъ шапочки съ себя на переносъ“ и тогда, когда въ послѣднемъ были и сіоны. Въ XVII вѣкѣ въ Новгородѣ, Москвѣ и, вѣроятно, другихъ городахъ сіоны выносились на великому входѣ „лѣпоты ради“ по одному или по два, смотря по величинѣ праздника, и каждый разъ выдавались къ службѣ изъ казны или ризницы и снова возвращались въ нее, по окончаніи литургіи, вмѣстѣ съ другими утварями и облаченіями. Въ это время они уже составляли, какъ и многое другое, простую церемоніальную принадлежность болѣе торжественнаго, праздничнаго богослуженія; но едва ли такъ было въ древности, съ самаго начала ихъ возникновенія. Съ по-

¹⁾ Въ изд. Саввацкаго ст. 23, 77. ²⁾ Полн. Собр. Лѣт. т. II стр. 112, 120.

³⁾ Русск. Ист. Библ. т. III. 129, 339, 443, 541, 715; Вивліюс. ч. X, стр. 138, 176, 368—369, изд. 2; Путешеств. патр. Макарія вып. III, 202; см. въ Чиновникахъ нашихъ указатт. подъ словв. Іерусалимъ, Сіоны. ⁴⁾ Голубинскаго. Е. Е. И. Р. Ц. I, 2. 148—149. ⁵⁾ Архим. Макарія Археол. опис. церковн. древн. въ Новгородѣ, ч. II стр. 205—206; сн. гр. Уварова: Сіоны или іерусалимы въ Древност. Моск археол. общества, т. I стр. 72—74. Матер. для археол. словаря и друг.

явленіемъ „свѣтозарнаго іеросалима“, осѣняемаго ритидами, происходило среди молящихся въ св. Софіи, по словамъ архіеп. Антонія, возыханіе о грѣхахъ своихъ и поминовеніе царства небеснаго съ жизнью безконечной, было, вѣроятно, произнесеніе каждымъ про себя сдѣлавшагося обычнымъ потомъ восклицанія: *Помяни мя, Господи... во царствіи Своемъ.* Рѣчь о выносѣ іерусалима, производившаго на людей столь сильное впечатлѣніе, непосредственно слѣдуетъ у нашего паломника за общимъ, какъ бы вступительнымъ замѣчаніемъ его о „златыхъ и сребряныхъ, каменьемъ и жемчугомъ украшенныхъ дароносивыхъ сосудахъ“. Не заступалъ-ли свѣтозарный іерусалимъ, невольно спрашиваешь себя, мѣсто дискоса при переносѣ? или, лучше сказать, не переносился ли послѣдній въ первомъ, въ сіонѣ? Вѣдь еще въ VI стол., по сообщенію Германа, епископа Парижскаго, въ описаніи древней и поразительно сходной съ восточною галликанской літургіи, приношеніе (заступавшее самого Господа) шествовало изъ сакрарія или скевофилакія (*procedit oblatio*) къ престолу въ башнеподобныхъ ковчегахъ (*turribus*), „потому что гробъ Господень былъ изсѣченъ въ скалѣ на подобіе ковчега, и тамъ положенное покоилось тѣло Господне¹⁾“. При такомъ объясненіи назначенія нашихъ іерусалимовъ легко будетъ понять подъемъ молитвенно-религіознаго настроенія, всякий разъ вызывавшійся ихъ появлениемъ на великомъ входѣ, и не такъ трудно станетъ подойти къ объясненію ихъ топографическаго наименованія, наружнаго вида и убранства. Поддоны сохранившихся отъ XV вѣка въ Новгородскомъ Софійскомъ и Московскому Успенскому соборахъ сіоновъ устроены на манеръ древнихъ дискосныхъ блюдъ, къ краямъ которыхъ прикрѣплены колонки ихъ церквебразныхъ или часовнеподобныхъ верховъ, и украшены гравированными изображеніями креста и при немъ иногда погруднаго Спасителя—сюжетомъ, который изрѣдка наблюдается на проскомидійныхъ блюдцахъ и дискосахъ.

Въ связи съ сіонами въ нашихъ старинныхъ уставахъ и записяхъ соборнай службы говорится обыкновенно о ношениі на великому входѣ воздуховъ, плащаницъ и покрововъ съ мощей или ракъ святыхъ съ ихъ изображеніями. Уже то обстоятельство, что между памятниками этого рода, какъ показываютъ соборныя и монастырскія описи, нѣкоторые были „греческаго шитья“ и „съ греческими словами²⁾“, заставляетъ отчасти искать начала употребленія ихъ на востокѣ. Литературныя свидѣтельства, какъ и иконографическія данныя, подтверждаютъ вполнѣ ихъ византійское происхожденіе. Симеонъ Солунскій, описывая великій входъ³⁾,

¹⁾ Полн. собр. древн. лит., вып. V стр. 40; сн. в. IV, стр. 101—102. ²⁾ Р. И. Б. III. 345, 716, 722, 745 и др. ³⁾ De divino templo, у Миня т. 155, col. 728.

говорить, что за священниками, несшими св. дары, въ немъ слѣдовали всѣ прочие и въ числѣ ихъ державшіе на главѣ плащаницу съ изображеніемъ на ней обнаженнаго и умершаго Иисуса (*τὸν ἵερον κατέχουτες ἐπιπλόν, δὲ γυμνὸν χρεῖ καὶ νεκρὸν εἰκονισμένον τὸν Ἰησοῦν*). Упоминаніе объ єпіпла на великомъ входѣ встрѣчается и у другихъ, древнѣйшихъ названнаго літургиста писателей ¹⁾, а самый терминъ въ примѣненіи къ церковнымъ принадлежностямъ употреблялся византіками и много раньше того ²⁾). У насъ нѣтъ свѣдѣній о ношеніи въ Византіи на входѣ съ дарами плащаницъ и покрововъ съ ракъ съ изображеніями святыхъ, но древне-руssкіе паломники въ Царьградѣ передаютъ, что тамъ носились нѣкогда на літургії самыя мощи, напримѣръ, преподобномученицъ Феодосіи и Параскевы-Пятницы въ монастыряхъ ихъ имени, и даже на больныхъ „поставлялись“ при прохожденіи по церкви ³⁾. Было-ли что-нибудь подобное въ обрядѣ великаго входа на Руси, остается мнѣ неизвѣстнымъ, но у насъ въ XVI—XVII вѣкахъ какъ бы взамѣнъ этого былъ широко распространенъ обычай носить съ дарами за архіерейскою и вообще соборнею службой разнаго рода воздухи, судари, плащаницы, покровы съ шитыми шерстью и шолкомъ или нарисованными на нихъ красками такими или иными изображеніями. Но употребляя эти названія, я долженъ замѣтить, что встарину они не имѣли значенія терминовъ съ опредѣленнымъ и неизмѣнно устойчивымъ значеніемъ. Какъ теперь именемъ *воздуха* (*ἀέρος*), которымъ покрываются дискосъ и потирь вмѣстѣ, зачастую называются покровцы (*χαλύμριата*), возлагаемые на каждый изъ нихъ въ отдельности; такъ и въ XVI — XVII вѣкахъ, судя по церковнымъ описямъ, Соборнымъ Чиновникамъ и монастырскимъ обиходникамъ, одно и то же название прилагалось къ предметамъ разнаго назначенія, но сходнымъ нѣсколько по своему покрою, украшеніямъ и вообще устройству. Воздухомъ назывались тогда не только возлагавшіеся на св. дары покровцы, но и полагавшаяся на гробъ Господень въ великую пятницу и субботу плащаница ⁴⁾). Основаніемъ служило, вѣроятно, общее у первого съ послѣдней изображеніе положенія Спасителя во гробѣ. Именемъ плащаницъ весьма часто означались покровы съ мошой или ракъ святыхъ съ ихъ изображеніями ⁵⁾). Название „сударя“ нерѣдко употреблялось у насъ для „служебныхъ“ покровцевъ ⁶⁾). Впр-

¹⁾ См. Наберти *Ἀρχιερᾶτ.* р. 608. ²⁾ G. Cedreni Histori. compend. t. I р. 680.

³⁾ Антонія Новгор. Путешествіе въ изд. Саввацова, стт. 135, 170. ⁴⁾ Р. И. Б. III, 447. Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. III. 1 стр. 325. 385. ⁵⁾ Тамъ же стрр. 101, 105, 129. 138 и др. ⁶⁾ Чиновн. Новгор. Софійск. 18, 49, 92, 205—206. См. вообще Чиновники по указателл. къ нимъ, подъ словами: воздухи, плащаницы, покровы, судари. Пространнія рѣчи о плащаницахъ см. у Кондакова Памятники христіанск.

чемъ дѣло въ данномъ разѣ не въ названіяхъ, а въ томъ, что предметы, ими обозначаемые, составляли обстановку великаго входа, причемъ количество, величина и богатство ихъ такъ же, какъ и сюновъ, опредѣлялись важностію праздника и наличностію исполнителей. „На выходѣ большомъ“, замѣчено въ одной изъ записей Устава Московскаго Успенскаго собора, „несутъ воздухи всѣ три и оба іерусалима, а буде служащихъ много, возмутъ два покрова съ Петровы и Іоиниы раки¹⁾“. Своими изображеніями плащаницы и покровы соотвѣтствовали иногда воспоминаемому церковю лицу или даже празднуемому событию и вмѣстѣ съ воздухами и сударями дѣлились на три категоріи: „большіе, середніе и меньшіе“. По перенесеніи въ олтарь названныхъ принадлежностей тѣмъ или другимъ числомъ священниковъ и, повидимому, всегда на главахъ, воздухами или сударями покрывались потиръ съ дискосомъ, плащаницы возлагались на престолъ, а покровы иногда, по цѣлованіи ихъ предстоятелемъ съ сослужащими, тотчасъ же относились на свое мѣсто²⁾. По теперешнему выносу плащаницы изъ олтаря на средину храма и возложенію ея на св. престолъ передъ пасхальною утреней можно судить объ интересующей насъ сторонѣ древняго обряда великаго входа, а ста-ринныя изображенія послѣдняго въ стѣноописіяхъ греческихъ и нашихъ русскихъ храмовъ и на иконахъ въ состояніи дать наглядное о ней представление³⁾. Изъ этихъ иллюстрацій подтверждаемыхъ вполнѣ литературными свидѣтельствами⁴⁾, легко видѣть, что передъ или за плащаницею носили также на великому входѣ иконы, евангелія, Служебники, лжицу, копіе, губу, кратиры съ новоосвященою водою въ день Богоявленія и другія имъ подобныя священныя утвари. Шествіе съ дарами нерѣдко замыкаль иподіаконъ съ рукоумываломъ, а открывали, какъ и теперь, обычно примікирій съ возженою свѣчей и носители прочихъ предстоятельскихъ инсигній: омофора, шапки, предноснаго креста (носившагося и возившагося предъ патріархами), жезла и прочихъ утварей, количество которыхъ отчасти возрастало съ увеличеніемъ числа служившихъ іерарховъ.

Обстановкѣ входа и даже каждому предмету ея въ отдѣльности давали и даютъ духовное значеніе. Признавая глубокую важность за послѣднимъ, если оно оправдывается смысломъ „переноса“ и генетиче-

искусства на Аeonъ, стр. 258 и слѣд., проф. Е. Е. Голубинскаго И. Р. Ц. I, 2 стрр. 417, 917—919. М. 1904. ¹⁾ Р. И. Б. III, 129; см. особенно Чиновн. Моск. Успенск. Соб., стр. 128 и др. ²⁾ Чиновн. Соф. соб. 92, 261; Р. И. Б. III, 105. См. Чиновн. Моск. Соб. по указат. ³⁾ Н. В. Покровскаго Очерки Памятн. христ. иконогр., рис. 182. СПБ. 1900; Дмитрев. Соврем. богослуж. 119—120; Кондакова Пам. христ. искусства на Аeonъ, стр. 226 прим. ⁴⁾ Проскинит. Сухан. стр. 50, 267; сн. Гоара Еѵхолоу. р. 130—131.

ски связанного съ нимъ проскомидійного обряда, нельзя никогда, мнѣ кажется, упускать изъ виду, что въ великому входѣ, какъ и во всякомъ другомъ священнодѣйствіи, одно было вызвано сначала необходимостию и только уже со временемъ получило таинственное знаменование, другое опредѣлилось подъ вліяніемъ церковной символики и „ио нѣчто отъ священныхъ сосудовъ“ ¹⁾ носилось просто въ цѣляхъ благообразія, отвѣчало потребностямъ паствы и состоянію самаго обряда. Торжественно совершается у насъ теперь и особенно на востокѣ при патріаршихъ служеніяхъ со всѣми членами Синода перенесеніе св. даровъ; еще великолѣпнѣе было обставлено оно въ XVII вѣкѣ на Руси и въ Великой Константинопольской церкви въ періодъ процвѣтанія Византіи, когда были на лицо богатыя служебныя средства и самъ императоръ въ роскошной обстановкѣ восточнаго повелителя являлся во главѣ многочисленнаго сонма участниковъ процессіи. Послѣднєе далеко не всѣ были одинаково-активными исполнителями обряда, хотя нѣкоторые изъ нихъ стояли внутренно къ переносимымъ дарамъ едва ли не ближе, чѣмъ сами священносовершители. Говоря это, разумѣю посвящаемыхъ въ іерархическія степени, новокрещенныхъ, брачавшихся, вѣнчавшихся на царство царей, которые имѣли особенные и вполнѣ понятныя побужденія дѣлать приношенія за себя въ знаменательные для нихъ дни, чтобы пріобрѣсть право на особую молитву церкви во время евхаристіи, а участіемъ въ пріобщеніи получить утвержденіе или запечатлѣніе только что совершенного надъ ними таинства или священнодѣйствія. Съ давняго времени лишенные возможности самолично приносить дары свои къ олтарю, эти и имъ подобныя лица, по воспоминанію о первохристіанскихъ порядкахъ, продолжали ходить съ возженными свѣчами очень долгое время предъ переносимыми дарами, а лица хиротонисуемыхъ и до сихъ поръ принимаютъ дѣятельное участіе въ великому входѣ ²⁾. Недужныхъ полагали въ былое время на полу, дабы медленно проходившіе по храму священнослужашіе съ дарами и святынями такъ или иначе прикоснулись къ нимъ. Иночі и міряне на востокѣ и до сихъ поръ выходятъ къ срединѣ церкви изъ своихъ стасидій и, склонивъ головы или преклонивъ колѣна, благоговѣйно, съ словами благоразумнаго разбойника встрѣчаютъ какъ бы самого Господа, таинственно грядущаго на страданія, и тѣмъ предваряютъ сдѣлавшійся обычнымъ съ XIV—XV вѣка возгласъ священнослужащихъ: *Всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ*

¹⁾ Чиновн. архіер. священнослуж. лл. 36 об.; 116 об., сн. Мат. для истор. раск., ч. 2 стр. 315. ²⁾ Горск. и Невостр. Опис. Синод. рукопп. Ш, 1 стр. 33; сн. Вивліе. XI, 37. М. 1789, изд. 2; преосв. Порфирія: Востокъ христ. Египетъ, ч. 2 стр. 3; Аскоченскаго: Кіевъ съ его древнійш. училищ. ч. I стр. 273.

во царствіи своемъ. Произносившійся по нѣкоторымъ памятникамъ трижды: при исходеніи изъ предложенія въ *северное* крыло храма, противъ западныхъ вратъ и по направленію къ южной сторонѣ, возгласъ сказывался, наконецъ, на солеѣ, примѣнительно къ лицу царя или князя, если они были при этомъ, и ожидавшаго въ св. дверяхъ дары архіерея, архимандрита и вообще предстоятеля. Принимая ихъ, послѣдній ничего не говорилъ или же повторялъ возглашеніе: Да помянеть Господь Богъ всѣхъ васъ во царствіи своемъ, уже въ XVI—XVII вѣкѣ значительно осложнившееся, перешедшее въ *поименное* воспоминаніе живыхъ, какимъ мы знаемъ его теперь. На востокѣ, вмѣсто именъ царя, царицы, членовъ ихъ семьи и синклита, произносящихся у насъ всякий разъ за архіерейскою службою, безотносительно къ тому, присутствуютъ они за ней или нѣтъ, нерѣдко можно услышать, какъ архіерей, взявъ дискосъ и чашу на великому входѣ, гласно поминаетъ имена заурядныхъ членовъ церкви, живыхъ и усопшихъ, и даже читаетъ иногда разрѣшительныя молитвы тѣмъ и другимъ¹⁾. Это поминовеніе всѣхъ безъ различія, при принятіи у престола даровъ самимъ іерархомъ, возвращаетъ насъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, въ которые съ принесеніемъ даровъ къ олтарю, какъ жертвы личной, непремѣнно соединялась молитва о принесшихъ, а равно и о тѣхъ, за которыхъ дары были принесены, а имена ихъ въ той или другой формѣ раздѣльно произносились на литургії.

Всльдъ за возложеніемъ даровъ на жертвенникъ и всеобщимъ цѣлованіемъ въ знакъ мира присутствовавшихъ въ храмѣ „совершалось, по словамъ Діонисія Ареопагита, таинственное провозглашеніе священныхъ (*священнотицменныхъ*) помянниковъ“²⁾. Впрочемъ положеніе молитвъ за умершихъ и живыхъ членовъ церкви, соединявшихся съ воспоминаніемъ святыхъ и чтеніемъ диптиховъ, было не одинаково въ общемъ со-

¹⁾ См. *Евхолоу*, 1737 г., стр. 260; *Архіер.* 1820 г., Констант. изд., стр. 33—35; 260; архим. *Порфирія* Путешеств. въ Метеорск. м-ри, стр. 70; Христ. Чт. 1871. II, 355; *Дмитріевскаго* А. А. Новоизбр. патр. Александр. Фотій Пероглу, отискъ статьи изъ майской книжки Т. К. Д. за 1900 г., стр. 20. То, что дѣлается теперь на востокѣ на великому входѣ, у насъ въ старое время дѣлалось предъ литургіей. Въ Соборныхъ Чиновникахъ нерѣдко говорится, что архіерей и сослужившіе ему власти, облачившись, „глаголаютъ архіерейскія молитвы“..., а въ старыхъ Служебникахъ можно читать и самыя эти молитвы. Изъ нихъ чаще другихъ можно встрѣтить одну съ такого рода надписью: „Молитва пращацная, глаголемая отъ архиерѣа или отъ духовнаго отца хотящему причаститися божественныхъ животворящихъ таинъ“. Въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей по адресу патр. Никона есть упреки и по тому поводу, что имъ опущены въ книгахъ архіерейскія молитвы и оставлено общее церковное прощеніе. Материалы для Истр. раскола, ч. III стр. 263, 300; IV, 193; V, 89. ²⁾ Писаній литург. т. I стр. 72, 83—84.

ставъ литургії. Резюмируя разности богослужебной на этотъ счетъ практики различныхъ церковныхъ областей, извѣстный Іаковъ, епископъ Едесскій, писалъ къ Томъ пресвитеру: „Живуще въ царствующемъ горо-дѣ (т. е. Константинополь) или въ греческихъ областяхъ совершаютъ поминовеніе такъ же, какъ и мы совершаємъ, т. е. сначала приносять (жертву), потомъ тотчасъ совершаютъ поминовенія... Александрійские же отцы иначе приносятъ, ибо они сначала исполняютъ чинопослѣдованіе поми-новеній, а потомъ совершаютъ чинопослѣдованіе св. приношенія”¹⁾. Другими словами: въ литургіяхъ египетско-alexандрийской отрасли молитвы за умершихъ и живыхъ читались съ диптихами въ началѣ ев-харистійнаго канона, предъ воспоминаніемъ объ установлениі таинства, а въ литургіяхъ сирійско-антіохійскихъ онѣ помѣщались въ самомъ кон-цѣ канона, т. е. тамъ же, гдѣ находятся и теперь въ литургіяхъ Василія Великаго и Златоуста. Не касаясь смысла этихъ молитвъ по воззрѣнію древней церкви, поминавшей за евхаристіей всѣхъ членовъ своихъ, не исключая даже Богоматери, а по словамъ Оригена—и безплотныхъ силъ (не потому ли эти молитвы и назывались въ нашихъ старыхъ Слу-жебникахъ *всемірными?*)²⁾, замѣтимъ лишь, что довольно долгое время онѣ произносились возгласно. Во всеуслышаніе, по окончаніи ихъ, чита-лись тогда діакономъ съ амвона также диптихи (*διπτυχος*, вдвое сложенный)—въ своемъ родѣ наши помянники, въ которыхъ на сторонѣ умершихъ значились имена мучениковъ, исповѣдниковъ, наиболѣе чти-мыхъ епископовъ и всѣхъ вообще отшедшихъ изъ жизни сей въ мирѣ съ церковію, а на сторону живыхъ, въ параллель съ таблицами усоп-шихъ, заносились имена царей, лицъ извѣстныхъ своею жизнію или усердіемъ къ церкви и всѣхъ прочихъ членовъ церковной общины, дѣ-лавшихъ приношенія.

Обращаясь отъ сказанного къ современной практикѣ, легко видѣть что древнее поминовеніе въ существенномъ удержано, но поставлено теперь иѣсколько иначе: гласное чтеніе молитвъ за усопшихъ и жи-выхъ почти сплошь замѣнено тайнымъ, чтеніе диптиховъ давно перене-сено въ проскомидію или начальную часть литургії, а на прежнемъ мѣ-стѣ его сохранился лишь остатокъ въ видѣ краткихъ замѣтокъ: „зђ архі-ерей (или священникъ) поминаетъ, яже хощеть, живыя и умершія, или: *діаконъ поминаетъ помянникъ усопшихъ и живыхъ*“³⁾). Больше слѣ-

¹⁾ Собр. древн. литургій въ русск. пер. вып. III стр. 116. ²⁾ Опис. рукопи. Моск. Синод. библ. III, 1 стр. 66. ³⁾ Сн. старые греческие и славянские Служеб-ники со вписанными въ нихъ на этомъ мѣстѣ именами умершихъ и живыхъ хотя бы по описаніямъ рукописей Московск. Синод. библ. архим. *Владимира*, ч.

довъ отъ древняго порядка поминовенія уцѣлѣло въ архіерейской службѣ, въ которой, какъ извѣстно, протодіаконъ, обратясь къ народу, говорить съ амвона или солеи: „*И всѣхъ и вся*“, какъ заключеніе словъ молитвы объ умершихъ, и затѣмъ велегласно поминаетъ изъ живыхъ: Святѣшній Синодъ, служащаго преосвященнаго, царствующій домъ, палату и воинство, послѣ чего ликъ поетъ: *И о всѣхъ и за вся*, какъ возглашалъ тѣ же самыя слова, по прочтеніи диптиховъ, въ древности народъ. Правда, что протодіаконъ, произнося эти имена или такъ называемую великую похвалу, подобно архіерею, поминающему на великому входѣ царя, съ семьей, Св. Синодъ, синклитъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, допускаетъ повтореніе, нарушающее нѣсколько цѣлостность рѣчи, но въ самомъ порядкѣ нельзѧ не видѣть довольно близкаго сходства съ древнѣйшею литургійной практикой. Послѣднее представится еще яснѣе, если принять во вниманіе постановку этой части литургіи на востокѣ въ сравнительно недалекое отъ насъ время, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ. Тамъ по окончаніи молитвы объ усопшихъ предстоятелемъ, діаконъ, ставъ близъ св. дверей, возглашалъ въ заключеніе ея: *И ихже кійждо въ помыслѣ имъетъ и всѣхъ и вся*, а затѣмъ, послѣ повторенія ликами или народомъ конечныхъ словъ: *И всѣхъ и вся* и возгласа первослужащаго: *Помяни Господи всякое епископство православныхъ*—въ то время, какъ сослужившіе послѣднему поминали его, кликаль великую похвалу, въ которой молился о всѣхъ патріархахъ, пресвитерствѣ, діаконствѣ, христолюбивыхъ царяхъ и т. д.

Отвѣтомъ на произнесеніе похвалы архидіакономъ снова было пѣніе народомъ: *И о всѣхъ и за вся*. Такъ совершалось, по словамъ старца Арсенія Суханова, поминовеніе или, что то же, чтеніе диптиховъ на востокѣ по *Достойно есть* не за архіерейскою только службой, но и за обычною священнической¹⁾ и такъ изображаютъ его давно многія древнегреческія (XII—XVII вв.) письменныя изложенія литургіи, первопечатные Венеціанская изданія ея, южнорусскіе, а вслѣдъ за ними и нѣкоторые наши Московскіе служебники XVII ст. Любопытно, что за моленіемъ о патріархахъ, мѣстномъ митрополитѣ или архіепископѣ въ нихъ слѣдуетъ прошеніе о *приносящемъ св. дары сія Господеви Богу нашему, имя рекъ, благоговѣйнѣйшемъ іеретъ или іеромонахъ*²⁾, а въ из-

¹⁾ стрр. 376—378, 380, 384—385, и К. И. Невоструева, отд. III ч. 1, стрр. 37, 53—54, 66, 80, 98, 114—116 205, 207—208, 223—224. ¹⁾ Проскинитарія стрр. 272 и 298 ²⁾ Дмитровскаго Евхологіи, стр. 134; сн. 84—85, 134, 141, 143—144, 160—161, 501, 609, 824, 959—960; его же Богослуж. страсти. и пасхальны. седмиць, стр. 265—266, прим. сн. стр. 307; Красносельцева: Матер. для ист. лит. I стрр. 27, 66—69, 111; Мансветова:

адныхъ при патр. Никонѣ Сборникѣ експлії (1656 г.), произносимыхъ діаконамъ, и обыкновенныхъ священническихъ Служебникахъ 1655 и 1658 гг., великую похвалу по *Достойно есть находимъ изложеною* приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ она начала появляться и печататься потомъ въ нашихъ Соборныхъ и Архіерейскихъ Чиновникахъ¹⁾.

Въ заключеніе рѣчей нашихъ обѣ особенностяхъ службы въ нашихъ древнихъ каѳедрально-епископскихъ церквяхъ, столь старательно, какъ мы видѣли, воспроизведившихъ у себя порядки Великой Константинопольской церкви и такъ внимательно слѣдившихъ за движениемъ богослужебного обряда на востокѣ вообще, нѣсколько замѣчаній о пріобщеніи священнослужащихъ на литургіи, совершающей архіерейскимъ или соборнымъ служеніемъ. Въ настоящее время у грековъ, болгаръ, сербовъ и вообще на православномъ востокѣ епископы, митрополиты и даже патріархи, при малочисленности, а иногда и прямо ничтожномъ числѣ состоящаго при нихъ клира, сами причащаются нерѣдко всѣхъ служащихъ съ ними, не исключая и діаконовъ; преподаютъ послѣднимъ не только Тѣло Христово, какъ это дѣлается и у насъ, но и честную Кровь. И этотъ обычай ведется тамъ довольно давно. На вопросъ: „Изъ потира самъ-ли архіерей великий подаетъ, или кому иному даетъ“? предложенный въ сентябрѣ 1651 года Александрійскому патріарху Іоанніку, нашъ Арсеній Сухановъ получилъ въ отвѣтъ, что

Митр. Кипріанъ, стр. V приложж.; сн. *его же*: Церковн. уставъ, стр. 405; *Гоара Еўхолоу* р. 79, 143, 172; прот. *Никольскаго*: Возглашенія на литургіи о царѣ и царствующемъ домѣ, брош. стр. 19—20. 1) Чиновн. архіер. дѣйства божеств. литургій 1668 г., л. 26 об.—27; Чиновн. Холмогорск. соб. стр. 25—26; Чиновн. архіер. священнослуж. л.л. 52 об.—53, 95. Москва 1897 г. При патр. Никонѣ и, конечно, съ его вѣдома справщики, при напечатаніи Служебника 1655 г., руководясь главнымъ образомъ Стратинскимъ (1604 г.) изданиемъ его, а также слѣдя отчасти тоговременной литургической практикѣ востока, печатнымъ греческимъ Евхологіямъ и Кіевскимъ Литургіаріямъ, внесли въ него между прочимъ возгласъ: *Господи, спаси благочестивыя*, возглашеніе патріаршаго и царскаго именъ на великомъ входѣ, *великую похвалу* и краткое многолѣтствованіе (а именно: *и съ поими эти деспота или: на многа лѣта владыка*) со стороны лица, въ концѣ литургіи, священику на благословеніе и слова его: *Спаси, Боже, люди твоя*. Это многолѣтствованіе вызвало упреки патр. Никону со стороны расколоучителей (Матер. для истор. раск. ч. III, стр. 268; IV, 108, 220; VI, 23-24, 159, 288; VII, 31) и въ Служебникѣ 1723 г., какъ мы видѣли, было оставлено. Великая похвала, напечатанная въ Служебникѣ 1665 г. такъ: „...діаконъ при дверехъ стоя (послѣ пѣнія лицомъ: *Ио всѣхъ и за вся и возгласа священника: Въ первыхъ помяни, Господи*), глаголеть: святѣшаго патріарха и митрополита, и о приносящемъ святыя дары сія благоговѣйнѣшемъ священницѣ, имя рекъ, и о спасеніи благочестиваго государя нашего...“, въ служебникахъ 1699, 1705, 1707, 1709 и 1717 г.г. помѣщалась уже съ *характернымъ и вполнѣ понятнымъ ограниченіемъ: аще архіерей служитъ, а въ служебникѣ 1723 г. была и совсѣмъ опущена.*

по разданіи священнослужащимъ Тѣла Христова, „изъ потира подавати подобаетъ самому архіерею великому“, и только въ случаѣ старости, немощи или присутствія за обѣднею царя „начальныи архіерей“ можетъ передать „ради поспѣшнія“ потиръ иному для пріобщенія прочихъ. Въ Іерусалимѣ, Вифлеемѣ и др. мѣстахъ старцу Арсению не разъ доводилось потомъ быть свидѣтелемъ того, какъ патріархъ подавалъ Тѣло Христово въ олтарѣ всѣмъ служащимъ и даже не служившимъ съ нимъ попамъ и пріобщалъ изъ потира самъ діаконовъ¹⁾). Приведенный вопросъ былъ вызванъ очевидно найденою Сухановымъ разницей въ пріобщеніи священнослужащихъ на востокѣ по сравненію съ русскою церковью, въ которой вошло по мѣстамъ къ тому времени въ обычай, чтобы чашу съ Кровію діаконамъ и даже священникамъ подавалъ не предстоятельствовавшій въ службѣ архіерей, а первый по немъ священнослужацій: епископъ, архимандритъ, игуменъ или даже простой іерей. И замѣчательно, что практика эта, подмѣченная въ свою очередь на Москвѣ восточными патріархами и вызвавшая на соборѣ 1667 года противъ себя нарочитое постановленіе²⁾, имѣла мѣсто у насъ не при архіерейскомъ только, но и при всякомъ другомъ, соборномъ служеніи літургії. Въ памятникахъ, относящихся къ послѣднему, и въ особой, любопытной во многихъ отношеніяхъ статьѣ: „*O божественной літургіи какъ соборомъ служити*“ помѣщавшейся чаще всего въ монастырскихъ уставахъ или обиходникахъ, пріобщеніе священнослужащихъ, при значительныхъ разностяхъ въ частностяхъ, въ общемъ описывается согласно, а именно: „*священникъ болиої возметъ часть тѣла Христова правою рукою, трети персты, и подаетъ игумену, глаголя: честное и пречистое тѣло Христово подается рабу Божию... И игуменъ у него пріиметъ, и возметъ игуменъ з дискоса вторую часть тѣла Христова и подаетъ болиому священнику*“. Держа въ рукахъ тѣло Христово, они цѣлются въ уста, или же священникъ цѣловалъ илитонъ и въ руку игумена и затѣмъ уже оба одновременно пріобщались. Подобнымъ образомъ и чашу съ Кровію священникъ подавалъ сначала игумену, а этотъ, пріобщившись самъ сначала, передавалъ ему. Остальные священники и діаконы принимали Тѣло Христово изъ руки игумена, а Крови пріобщались отъ старшаго священника, становившагося съ потиромъ на правой сторонѣ престола или къ горнему мѣсту, позади его.³⁾

¹⁾ Проскиннтарія стр. 46-47, 50-51, 88-89, 273-275; сн. Опис. рукопп. Моск. Синод. бібл. III, 1 стр. 108. ²⁾ Дѣяній Моск. соб. изд. Братствомъ св. Петра мітр., л. 10 счета 2-го. ³⁾ Описаніе рукопп. Моск. Синод. бібл. III, 1 стр. 3—4, 67, 80, 404—405; Рукоп. Петерб. Дух. Акад. № 520, л. 32-34; *Д.літургіевскаго: Богослуж. въ русск. церк. XVI в.*, стр. 125, 127.

Этотъ способъ причащенія, за исключеніемъ начала, сходный съ практикуемымъ нынѣ при архіерейскомъ служеніи, предписывался нашими служебниками и уставами XII—XVII столл., дѣйствовавшими главнымъ образомъ въ монастыряхъ, но не безъизвѣстенъ онъ былъ и въ греческой церкви. По Симеону Солунскому и Димитрію Гемистѣ, протонотарю Великой церкви,¹⁾ патріархъ (вместо него митрополитъ, архіепископъ) и новорукоположенный епископъ или за отсутствіемъ такого, первый изъ сослужившихъ архіереевъ, принявъ другъ отъ друга Тайны Христовы выше указаннымъ образомъ, причащали потомъ остальныхъ—патріархъ слѣва отъ престола преподавалъ Тѣло Христово, новопосвященный или старшій изъ іерарховъ справа честную Кровь. У обоихъ літургистовъ предметъ излагается въ связи съ хиротоніями, рѣчь пдеть у нихъ собственно о причащеніи посвящаемыхъ въ іерархическія степени, и это невольно наводить на мысль: не возникъ ли теперешній способъ причащенія священнослужащихъ впервые при обрядѣ поставленія? Дѣло въ томъ, что новорукоположенные въ отношеніи принятія св. Даровъ съ глубокой древности пользовались иѣкото-рыми преимуществами сравнительно съ участвовавшими въ ихъ постановленіи священнослужащими: они не только пріобщались раньше лицъ, состоявшихъ съ ними въ одной степени, но и принимали очень долгое время большее или меньшее участіе въ преподаяніи имъ Таинъ Христовыхъ. По чинопослѣдованіямъ, раннѣйшимъ Симеона Солунскаго и большинству позднѣйшихъ его, новопоставленный епископъ, напримѣръ, первымъ пріобщившись Тѣла и Крови, преподавалъ оба вида таинства или одно Тѣло Христово остальнымъ, не исключая даже рукоположителя своего; посвященный во пресвитера, принявъ самъ св. Дары изъ рукъ хиротонисавшаго его *президс* прочихъ іереевъ, преподавалъ потомъ св. чашу имъ, равно какъ и діаконамъ, получавшимъ тѣло Христово при своей хиротоніи отъ епископа прежде также собратій своихъ и *причащашимся* св. Крови обычно отъ того, кому предоставлялась послѣдній.²⁾

Въ этомъ способѣ причащенія, нельзя сказать, чтобы определенно-постоянномъ въ древне-греческой церкви, видоизмѣнившемся на Руси въ XVII вѣкѣ въ смыслѣ усиленія и въ данномъ отношеніи служеб-

¹⁾ Гѣберта Архіератиконъ, стрр. 218-220; Писанія, относящ. къ истолков. богослж., т. II стр. 239, 275 (сн. Миня Патрологію, греч. сер. т. 155, столб. 389, 428)

²⁾ Morini *Commentary de sacris ordinatt.* II pagg. 55, 56, 61, 62, 64, 70, 72, 73, 75-76, 77, 78, 80, 82, 83, 89, 91; Гоара Евхелогіи, стрр. 251, 253, 254, 294, 295-296, 304; Га-берта Архіератиконъ, стр. 811, 316, 319.

ныхъ преимуществъ рукоположителя за счетъ сокращенія правъ рукополагаемыхъ, пріобщавшихъ теперь уже *не первыми*, а „по степени своему“ и переставшихъ (за исключениемъ епископа) преподавать св. Тайны другимъ, находить близкую аналогію и, можетъ быть, историческое объясненіе своему происхожденію принятая на востокѣ и у насъ теперь практика причащенія священнослужащихъ при *соборномъ* совершенніи литургіи. Въ основѣ той и другой практики, намъ представляется, лежитъ 18-е правило первого вселенского собора, по силѣ котораго діаконы, какъ „служители епископа и низшіе пресвитеровъ“, должны принимать евхаристію „по порядку, послѣ пресвитеровъ, преподаваемую имъ епископомъ или пресвитеромъ“. До Никейскаго собора діаконы, какъ видно изъ полнаго текста правила, злоупотребляя своими широкими вѣроятно первохристіанскими полномочіями по части принятія приношеній отъ вѣрующихъ, приготовленія изъ нихъ веществъ для таинства и причащенія св. Дарами мірянъ, причащались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только прежде пресвитеровъ и даже самого епископа, но и преподавали первымъ св. Тайны. Пресѣкая злоупотребленія со стороны діаконовъ и сокращая ихъ старыя полномочія, отцы Никейскаго собора и предуказывали, намъ кажется, тотъ самый порядокъ пріобщенія священнослужащихъ, который выработался со временемъ и установился окончательно на востокѣ и у насъ при *соборномъ* совершенніи литургіи.